

Тереза
ДУРОВА:

«Я строю для праправнуков»

Это было грандиозно. Невероятной казалась сама мысль проведения десятидневного (!) международного фестиваля клоунов в Москве. Неужели сегодня такое возможно! До смеха ли в этой крест-накрест потрескавшейся, заблудившейся, дергающейся в конвульсиях стране!

«Да!» — крикнули бы все те, кто с 10 по 20 октября приходил в ДК завода им. Владимира Ильича. Желаящих посмеяться было выше крыши, а на гала-концерт билет невозможно было купить даже за валюту...

Обилие клоунских масок за кулисами, широких штанин, раскрашенных губ, невероятных шляп, ботинок, пиджаков заставило бы улыбнуться самого отпетого пессимиста, загляни он сюда. Коллективы из 25 городов страны плюс артисты из Болгарии, США и Японии создали на сцене Дворца культуры уникальное разнообразие творческих образов, сбиваясь, правда, порой на самодеятельность и театр. Но общей картины это не портит, и весело было все, даже обычно скучное объявление спонсоров и награждение призами в этот раз украсили шутками, председатель жюри Юрий Никулин одарил дипломами тех, кто претендовал в будущем затмить его славу, а журнал «Студенческий меридиан» осчастливил самого талантливого клоуна — студента Сергея Ярмана из Киева — сразу пятью стипендиями!

Фестиваль удался. И «спасибо» за это все мы должны сказать «душе и мотору праздника», как назвал ее еженедельник «Арена», автору сценария и главному режиссеру российского цирка «Июль» Терезе Ганнибаловне Дуровой. Около года назад ей пришла в голову идея сделать праздник для советских детишек, и вот, с огромным трудом, идея «оживала». И дай Бог ей долгодетства.

Предлагаемое интервью в газеты «Правда» было взято до фестиваля, и мы рады, что надежды Терезы Ганнибаловны сбылись.

РАЗГОВОР О ЦИРКЕ

— Тереза Ганнибаловна, в цирке вы с детства. Не считаете, что вам достались «деревянные игрушки», что вместо детства у вас была работа?

Т. Д.: Возможно, это и плохо, но, с другой стороны, я не знаю иной жизни, не знаю, с чем сравнивать. Я привыкла к тому, что игрушки были «деревянными», привыкла с детства работать. И если вы спросите любого циркового ребенка, что у него с детством, то он ничего плохого вам не скажет. Я бы назвала это быстрым взрослением. Приходя в школу, я считала своих сверстников детьми по сравнению с собой. Потому что у меня было конкретное дело. Жизнь очень коротка, и стартовый выстрел должен прозвучать как можно раньше. Я всегда выкраивала время немножко с горки покатаюсь, с куклами повозиться — мы возили их с собой. Но намного интереснее было работать. Это и игра, и жизнь. Это цирк. Ребенок — и грим, красивый костюм, музыка. Разве это похоже на «деревянные игрушки»? Любый ребенок, занимающийся с детства делом, чувствует то же самое.

— Вы с самого начала занимались с животными, начинали дрессировать их?

Т. Д.: Да, меня пропустили через все круги ада, за что я очень благодарна родителям. Когда я была совсем маленькой, я рабо-

тала на конюшне вместе со служащими по уходу за животными. Вот вам и мои игрушки: слон-игрушка, верблюд-игрушка. Игрушек требовалось кормить, убирать навоз, вовремя чистить стойло, гулять с ними. Я прошла весь путь от навоза до музыки.

— Я недавно услышал анекдот, дрессировщик тигров говорит: «Раньше я был школьным учителем, но затем решил перейти на более спокойную работу». Вы преподавали в цирковом училище, работали с животными. Что же на самом деле легче?

Т. Д.: Разумеется, все зависит от призвания. Мне никогда не было тяжело быть педагогом, в трудных обстоятельствах мне было только интересно. И всегда было легко в общении с детьми. Когда-то у меня была даже своя теория: я никогда не пыталась бежать впереди них, я всегда шла за ними. Мы живем в их время, а не они в наше. Я живу сейчас во времени человека, которому 15—16 лет, это его время становления, его взгляд на вещи, его мир. Не надо менять нас местами.

— Где сейчас ваше место?

Т. Д.: Оно где-то за этой волной пятнадцати- и пятидесятилетних, за которыми я иду с большим удовольствием. Старики тоже всегда идут впереди одновременно с молодежью. Нам надо считать информацию и там

и тут. У молодых всегда есть свежий взгляд на вещи. Например, они сейчас очень интересно одеваются. И если я оденусь так же, как они, я буду выглядеть пугалом (Терезе Дуровой 37 лет, она сидела в джинсах в обтяжку, в легкой тельняшке, волосы в косичку — я мог бы принять ее за девочку, если бы встретил на улице.—В. Г.). И не потому что мой возраст не позволяет, просто это не мое время.

— Когда вы готовите номер, вы ориентируетесь на взрослых или детей?

Т. Д.: Я просто пытаюсь сделать номер интересным.

— Но ведь интересы у взрослых и детей разные.

Т. Д.: Я бы назвала цирк семейным искусством. Сюда приходят дети от трех до двадцати лет, папа, мама, бабушка, дедушка. Возрастной ценз у нас самый обширный. В цирк ходят все. Я могу построить программу, интересную всем. Сделать таким один номер очень трудно, такое бывает редко, хотя у меня были такие удачи.

— Вы много гастролировали за рубежом. Не пытались сравнить «их» детей и наших?

Т. Д.: Даже если бы я не хотела, я должна была бы их сравнить: ведь каждый день в цирк ходят дети. Конечно, это больно. Очень больно за наших детей.

— В чем их недостаток?

Т. Д.: Понимаете, есть чувство эстетики, приваваемое с детства: красивый ночной горшок. Ночной горшок должен быть в розочку, в клеточку, в яблочко. Так же, как и носочки, чулочки, бантики, тарелочки. Если этот мир красив, ребенок перестанет его бояться. Взяв игрушку, он знает, что этой игрушкой он не порежется. У нашего ребенка такой жизненный опыт есть: он роняет себе машинку на ноги, в результате чего появляется синяк. Даже игрушки у нас опасны.

«Бытие определяет сознание» — сказала не я. Родительский покой и отсутствие бытовых проблем в их глазах делают спокойными и детей. Их точно так же бьют и наказывают, но не оттого, что в доме нет картошки. У нас ведь наказывают детей из-за личных неприятностей на работе. Купить ничего нельзя, мать издерганная, муж пьет. Все это наследие сказывается на ребенке. Если я в Берлине предложу конфету ребенку, он скажет спасибо, возьмет и побежит дальше. Если подобное произойдет на улице Москвы, в глазах ребенка вопрос: зачем? чего тетя хочет? Однажды я купила бананов и не рассчитала — купила слишком много, осталось пять штук, я собралась гулять, и они мне были не нужны. Я стала предлагать их людям: что тут началось! Мама отталкивала ребенка от меня за руку, молодая пара начала мне объяснять, что у них самих есть деньги. Все это происходит и в цирке. В некоторых городах я видела, как родители во время представления одергивали детей: «Не хлопай, не смейся, не стучи ногами». Дети сидят скукоженные, боятся рассмеяться.

— Есть у них какие-то перспективы?

Т. Д.: У них будут перспективы, если сегодняшние взрослые, начиная от двадцатилетних, перестанут строить сиюминутное гнездо. Мы строим сегодня для себя.

— А после меня...

Т. Д.: ...хоть потоп. О внуках вообще никто не думает. Никто не строит дом, чтобы там родился праправнук. Когда я сейчас делаю все, чтобы фестиваль клоунов стал традиционным, ежегодным, чтобы Дом культуры завода имени Владимира Ильича работал non-stop и ребенок всегда знал, что он может туда прийти и там будет интересно, — я делаю это не для своего блага, не только для своего сына. Я хочу, чтобы любой русский, советский — называйте как хотите — ребенок мог прийти туда и начать радоваться от одного только вида клоуна. Сейчас ребенок видит клоуна и начинает плакать: «Мама, убери этого страшного дядю!» — едва тот приближается к малышу. Это же ужас, какая реакция у ребенка!

— А ваш фестиваль, он для внуков?

Т. Д.: Я хочу, чтобы он был для правнуков. Для праправнуков. Если мне удастся удержать фестивальный ритм российского цирка и в дальнейшем, если мне хватит средств, то я сделаю это с большим удовольствием. Клоунада — это совершенно другой мир, пока еще не имеющий денег, грима, помещений. И я в изумлении: откуда берутся эти энтузиасты, желающие принять участие в фестивале? У меня разрывается телефон от звонков, люди приходят сами, дети, взрослые, и заявляют: мы — клоуны. Вы представляете, что значит в нашей жизни сохранить веру в то, что ты — клоун? Они не разучились радоваться жизни при том, что их отовсюду гонят и везде они слышат «нет». Это уникальные люди, и им надо дать возможность жить, профессионально существовать.

— Какие цели преследует фестиваль?

Т. Д.: Мы будем искать новые имена в цирке. Очень мало осталось хороших клоунов, практически все лучшие уехали на Запад. Они уезжают в тяжелое время, справедливо стремясь к нормальной жизни. Как люди они правы. Я не отрицаю, они могут

уехать на два-три месяца, поработать и вернуться обратно. Вернуться! Им, видите ли, не нравится наша тяжелая публика. Но чтобы она стала легче, они ничего не хотят сделать.

Наталья Юрьевна Дурова, кстати, узнав о фестивале, положила мне руку на плечо, сказала: «Тереза, сделай это. Наши деды — первые русские клоуны, и с сегодняшним состоянием клоунады надо что-то делать».

— Насколько я знаю, фестиваль убыточный. Как вы надеетесь выйти из положения?

Т. Д.: Во-первых, не такой уж он убыточный. В какой-то степени мы себя окупим. Но мне бы не хотелось, делая большое радостное дело, считать копейки. Если я возьму у спонсоров полтора миллиона и истрочу лишь 800 тысяч, то остальное останется для следующего фестиваля. И то, что мы окупим, тоже пойдет в дело. Мы не хотим нищенского зрелища. Скучных и бледных праздников у нас достаточно. Давайте хоть раз сделаем что-то действительно яркое и красочное! Сейчас на Западе очень внимательно следят за тем, сможем мы это сделать или нет.

— Не получается так, что вы смотрите на фестиваль с позиции благотворительности, а чересчур коммерческий Запад смотрит на него с позиции денег? И оттого вам не помогает?

Т. Д.: А кто вам сказал, что Запад чересчур коммерческий? У них всегда есть разделение между коммерцией и человеческими отношениями. Для кого они ничего не жалеют, это для детей. Цирк Биг Эппл в Нью-Йорке, например, финансируется Рокфеллер-центром. Подобные фестивали, не окупающие себя, проходят по всему миру: в Италии, Германии, Франции, США ежемесячно, обходя как огромную глыбу Советский Союз. Понятие коммерциализации Запада растяжимо. Да, они стремятся к прибыли, но есть люди, поступающие совершенно не по законам денег. В нашей стране такие люди тоже есть. И когда фестиваль пройдет, мы скажем, кто нам помогал. Но мы назовем и тех, кто нам не помогал. Я никогда не хочу пугать, но шуты всегда были неприхотливы и говорили правду в лицо.

— И им, как известно, всегда все сходило с рук.

Ячешлав ГУЗЬ.